

свободная газета свободных поэтов

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

АНДРЕАПОЛЬ • ПЕНО • ТОРОПЕЦ • НЕЛИДОВО • БЕЛЫЙ

ТАНЕЦ ЖУРАВЛЯ

Журавль на поле танцевал,
Так грациозно, так красиво,
Казалось, даже... напевал!
А журавлиха, чуть лениво,

Щипала травку, наклоня
Свою точёную головку.
А что касаето меня,
То было мне чуть-чуть неловко,

Что этот танец журавля
Как бы подсматривала я!
Ах, как он дивно танцевал –
Любимой танец посвящал!

Пуškai танцуют журавли
В нас вызывая... восхищенье!
Поклон им низкий, до земли,
За дивный танец-посвященье!

ПРОВОДЫ...

Улетели мои ласточки на юг.
А без них мне как-то грустно стало
вдруг:
Лето целое кружились за окном,
Вот теперь опять покинули мой дом.

Понимаю, что со мною зимовать
Ни за что они не станут – не проси!
Но как грустно мне их в осень
проводить,
Со слезами в неба вглядываясь
синь...

Что поделаешь, такой у них резон –
Прилетать домой погожею весной,
«Дачный» в гнёздышках родных
прожить сезон,
Чтоб мне снова тосковать о них
зимой.

Пусть удачным будет долгий
перелёт,
Пусть ничто в пути беды
не принесёт.
А когда весна настанет, я опять
Своих ласточек прилёта буду ждать!

*Лариса Иванова,
Торопец*

«Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах...»

Война – и песня... Казалось бы, абсолютно несовместимые понятия. Но именно она, песня военных лет, стала тем чудесным средством, которое в «сороковые-роковые» помогало выдерживать невыносимые испытания, придавало сил двигаться вперёд, преодолевать страх, наполняло надеждой. Песня звучала на фронтовых привалах, в короткие минуты отдыха, на долгих солдатских дорогах, за полчаса до боя. Фронтовые песни – это настоящая летопись, в каждой строчке слышен голос тех далёких лет.

Услышать этот голос, проникнуться духом песен военной поры помогли своим гостям сотрудники Нелидовской центральной библиотеки, подготовив для них вечер фронтовой песни «И поёт мне в землянке гармонь...», который состоялся в феврале. Ведущие были в образе девушек-выпускниц 1941 года, пришедших на первую послевоенную встречу выпускников в родную школу. Впечатление усиливалось дополнительным антуражем: школьная доска, глобус, тетрадь с недописанным упражнением... Сколько же нужно было поделиться двум юным девушкам в ожидании дру-

зей-одноклассников! «Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах...» Что стало с Гришей? Как там наша Лиза?

Вспоминались дорогие имена, читались фронтовые письма... И каждое воспоминание становилось своеобразной иллюстрацией к той или иной песне военных лет. «В землянке», «Тёмная ночь», «Случайный вальс»... Задумчивые и пронзительно-лиричные, плавные и быстрые – они такие разные, фронтовые песни. В одних можно излить свою печаль и тревогу, другие подбодрят и развесят в минуту уныния. Вот, например, какие задорные песни «Вася-Василёк», «Самовары-самопалы»! И какие мелодичные, напевные – «Огонёк», «Вечер на рейде», «В лесу прифронтовом». Совсем не удивительно, что гости вечера с удовольствием подпевали. А в завершение встречи все вместе спели под баян знаменитую «Катюшу».

Гости покидали мероприятие с теплом в душе. Ведь песня всегда нужна человеку, она не даёт черстветь человеческим чувствам. И в этот день все присутствующие вновь смогли в этом убедиться.

Валерий Линкевич,
г. Андреаполь

Родился в 1971 году в Андреаполе. Окончил среднюю школу № 2. После сдачи выпускных в той же школе приступил к трудовой деятельности с конца июня, на должности пионерского вожатого. С 1989 по 1991 гг. находился в на срочной службе. С 1993 принят на работу заведующим Андреапольским районным краеведческим музеем. В настоящее время – директор Муниципального казённого учреждения культуры «Андреапольский районный краеведческий музей имени Э. Э. Шимкевича».

С марта 1996 и по настоящее время являюсь командиром отряда «Подвиг», а также заместителем председателя правления Тверского областного Военно-патриотического центра «Подвиг». Отряд проводил работы на территории Андреапольского, Бельского, Пеновского, Западнодвинского, Оленинского, Зубцовского, Ржевского районов Тверской области, а с 2011 года – Холмского района Новгородской. За это время найдены и перезахоронены останки более 2000 советских солдат и офицеров, установлено несколько десятков имён павших воинов.

ПОИСКОВИКАМ 1996 ГОДА

Та яма сниться будет долго,
Врываясь в сны моих друзей:
Янтарно-ржавые осколки
Средь человеческих костей.

Затмение дня, косые сноски,
Времен нерастворимый стон...

Войны далекой отголоски –
Как мироздания закон.

Достигшие по жизни трети,
Кто мы? – я задаю вопрос –
Чужие внуки, чьи-то дети
На разный нрав и цвет волос?

Кто перед ними мы? Кто сами?..
Солдата Прошлого лицо
В той глинисто-протяжной яме
Звучит «Герникой» Пикассо.

Вот боль: испить – и не напиться...
И правда, чьи слова ясны,
Пусть не дает душе забыться,
Пусть будоражит наши сны.

* * *

Я черной вечности солдат,
Незримый дух усопших рот.
Глядите: много лет назад
На месте сем погиб мой взвод.

Оставив за чертою жизнь,
Одну лишь истину познал:
Не убежать, не вознестись,
Не пересечь траншей провал.

Из наших тел, из наших ран,
Из нашей скорби лес пророс.
Слова моих однополчан
Услышите в шелесте берез!

Я, здесь оставшись навсегда,
Для них покой и сон хранил.
Как назывался я тогда? –
Валерий или Даниил?..

Иван, Петро, иль Николай –
Да что теперь! – ни им, ни вам...
Лишь крики перелетных стай
Ведут отсчет земным годам.

Наверное, таков весь круг:
Теперь уже один из вас,
Далекий правнук или внук
Пропал в сраженьи за Кавказ.

На рубеже столетий двух
Погиб на грозненском мосту.
Как я – его тревожный дух
Не сможет пересечь черту.

Я черной вечности солдат,
Незримый дух усопших рот.
Глядите: много лет назад
На месте сем погиб мой взвод.

ЖУРАВЛИ

*Андрею Дмитриевичу и
Маргарите Кузьминичне Кочетковым*

Не в сон, а в явь так хочется порою
Взмыть в небо белоснежным
журавлем,
Вослед Бернесу в легендарном строе
Быть принятым на месте на своем.
Журавль белый – непростая птица,

Среди собратьев серых – альбинос.
Но лишь не быть в чужих руках
синицей,
И не иметь на рынке бойкий спрос!

Над звездами или под облаками
Лететь навстречу солнечным
лучам
Среди солдат, что помянул стихами,
Среди друзей, кто тоже будет там.

Дни катятся, как звонкая монета,
Наполнив жизнь признанием
пустым.
Но вот блеснет в мозгу разрядом
света,
И кажется тогда – лечу, летим!

В своем полете мы – пылинки в
бездне,
Но в самый ранний предрассветный час
Беспошлинно, бесплатно,
безвозмездно
Курлыканием своим одарим вас!

МАТЕРИ

Через лес в гуртах малины,
Через поле с синим льном,
Довезет меня машина
До деревни Любино.

Пахнет сеном, пахнет медом
Над зеленою межой.
Мать моя отсюда родом,
Значит – сам я здесь родной.

И по случаю такому,
Совершенно незнаком,
Ну совсем по- городскому
Постучусь в ближайший дом.

«Кто? Свои или чужие?» –
Тихо скрипнет дверь в ответ.
«Краснобаева Мария
Вам горячий шлет привет!»

«Заходи скорее, просим!»
Под ногами чистый пол.
Старики усадят гостя
За широкий крепкий стол.

Обитатель сказок древних –
В печке пляшет домовой.
За окном гудит деревня
Шумной жизнью трудовой.

Дышит светом и уютом
Милый русский уголок.
Эту радость почему-то
Я у сердца приберег.

Как же мало человеку
Все же времени дано!
Расскажу, домой приехав,
Про деревню Любино,

Где над дальними лугами
И над спящим жнивьем
Тихо бродит наша память
Заблудившимся конем.

Алексис,
г. Удомля

Душный летний день подобрался к Сосновке — небольшой, в шестнадцать домов, деревне, — и принёс приторный дух медуницы с некошеного поля. Круглое, как свиной глаз, солнце развесило над дорогой пыльное марево, заглянуло в каждый огород, и, удостоверившись, что деревенская жизнь идёт своим чередом, потеряло всякий интерес к человеческим делам. Лёгкий ветерок шустрой мышью пробежал по траве, всколыхнул развесистые лопухи и обдал свернувшего с дороги Сашку смолистым духом сосен.

Мальчик остановился, любопытно огляделся по сторонам, подмигнул солнцу и скрылся в осоке. Трава так разрослась, что была ему почти по пояс, и Сашка живо сообразил — путь будет нелёгким. Он подобрал с земли внушительного вида палку и, ловко орудуя ей, стал расчищать себе дорогу. Настроение у Сашки было радостным, почти праздничным, даже дышать было весело. Вместе с ним радовались пёстрые бабочки, плясали прыгучие кузнечики, заливили пели птицы. Стрекоты глядели на Сашку своими огромными глазами, подлетая совсем близко, а он криво усмехался им, словно общникам в новой проделке. Трава под мальчишескими ногами стелилась, как плетёный ковёр в прихожей, над которым всю зиму трудилась мать. Цветное, душистое поле расстилось до самого леса, а за ним, в тени деревьев-старожилов, прятались грибы. Малинник оделся россыпью красных ягод. Богатое, сытное вре-

Белоречье

мя было в лесу. Но Сашка обогнул малиновый куст, не соблазнившись лакомством. Ещё бы! Сашка спешил в Белоречье.

Диковинное слово выдумал его друг, Сенька, мечтатель и порядочный фантазёр. Вообще-то никакой реки там не было, тем более белой, но название Сашка нашёл подходящим. Вечерами Белоречье тонуло в густом тумане, волны которого медленно поглощали округу. Тени удлинялись, переплетались между собой и звали играть в прятки. Деревья теряли привычные очертания в белой дымке, и Сашке казалось, будто они тянут к нему чёрные, худые руки. Он и сам терялся в молочном тумане, с головой ныряя в широкую реку, а когда выныривал на поверхность, понимал, — пора домой. Сенька, обыкновенно сидящий на дереве, немного грустно улыбался и махал ему рукой. Не провожал никогда. Белоречье его не отпускало.

Сашка устало вздохнул, вспомнив друга, и пуще прежнего заторопился к ручью, огибающему кромку поля. По гладким камням мальчик перебрался на другой берег и зашагал по дороге. Буйная полевая жизнь затихла у него за спиной, и воздух, освободившись от сладкой цветочной пыльцы, сделался прозрачным. Наконец впереди показалась чёрная ограда с приветливо распахнутой калиткой. Белоречье встречало путника. Мальчик сделал шаг вперёд. Кованый железный забор остался позади, отделив его от внешнего мира, а узкая дорожка, петлявшая среди покатых холмиков, вывела его к расштанной скамейке под пышной липой, от которой пахло медовой сладостью. Сашка удобно устроился на облезлых деревянных досках. На скамейку села бабочка-лимонница. Сашка протянул руку, и она ярким огоньком улетела прочь. В Белоречье тоже была своя жизнь, — не такая яркая, как в лесу, но вполне ощутимая. Сашка не понимал, почему взрослые здесь почти не бывают, а если приходят, то их лица становятся преувеличенно серьёзными, глаза лишаются красок, будто из них выпили радость. Сенька говорил ему, что это от страха. А Сашка сомневался: он не мог взять в толк, почему люди боятся смерти...

Смерть. Впервые Сашка столкнулся с ней нос к носу, когда хоронили отца. В доме собралась соседка и родственники, крепко запахло водкой.

Голоса за накрытым столом звучали чересчур громко, будто люди говорили совсем не то, что было у них на уме, и старались это скрыть. Сашка морщился от запахов и звуков, хотел выйти во двор, но надо было сидеть со всеми. Вдруг чья-то рука коснулась его плеча. Сашка обернулся и обомлел — перед ним стоял отец, такой, каким он был перед поминками, когда лежал на лавке со свечкой в руках.

— Что, Сашка, тошно, мутрно тебе тут? — спросил мужчина, привычно растягивая слова.

Сашка окончательно уверился, что это и в самом деле отец. Мальчик окинул его любопытным взглядом, а потом посмотрел на сидящих за столом гостей. Они продолжали спорить, кому достанется наследство, — дом и баня, выстроенная отцовскими руками. Никто не замечал покойника, стоящего рядом с сыном. Сашка хотел спросить, почему, но понял, что отец пропал.

С того памятного дня Сашка видел немало интересного: дядю Витю-утопленника, бабу Настю и бабу Любу, умерших годом раньше, и других, неведомых ему людей. Они вели себя, как живые: ходили, проявляли интерес к деревенским делам. И Сашка понял, что взрослые не знают, что такое смерть. Он твёрдо убедился в этом, когда побывал на поминках деда Матвея: опять пахло водкой и копчёной рыбой, опять громко говорили о наследстве, а покойный дед тихонько стоял в углу и с укором глядел на стол, туда, где стояла рюмка, накрытая коркой хлеба, будто приготовленная для него. Сашка спросил, для чего это, и мать еле слышно ответила: «Так положено». «Но дед Матвей не пил, зачем ему водка?» — удивился Сашка. Он вздохнул, а покойник подмигнул ему из тёмного угла. Да, не понимают взрослые смерть. Совсем не понимают. Если бы они видели деда Матвея, то не боялись бы, наверно, ходить в Белоречье, которое между собой зовут погостом. Сашке было любопытно, почему взрослые не видят покойников, только он не знал, кого об этом спросить. Спрашивал Сеньку, но приятель качал головой и смотрел себе под ноги. Вообще-то Сеня всегда был тихим, но знал много чудесных вещей.

Они познакомились, когда Сашка пришёл на погост один. То ли навестить родителя, то ли просто,

* * *

Быть частью чего-то целого,
Все равно, что держаться за поезд,
Который пока не отправился,
Но вот-вот норовит отойти.
А тебе остаётся помнить
И вызывать к проводницам о
помощи,
И забыть бы, забыть бы, забыть,
черт возьми,
Но пока нереально, прости.

И гудки одинаково длинные,
Но такие приятные – странно же,
Я ловлю вариации голоса
И любые блики картин.
И пора стать циничней и старше,
И глядеть на людей, как на
набожных,
Но пока поезд не отправляется,
А в глазах только сера
тонин.

*Светлана Леонова,
Тверь*

* * *

Колышется кипреевая пустошь
Под ритмы остывающих ветров –
Чей нрав был так горяч и
необуздан,
А нынче холод – в самое нутро.
Твоих звонков мне больше не
дождаться...
Мурашки пробегают по спине.
История на жалких пол-абзаца
О гордости, упрямстве и войне...
А пустошь поседеет. Разлетится
Повсюду мелкий августовский пух.
В системе, где нули и единицы,
Нелепо увеличивать до двух...

*Диана Мун,
Тверь*

говоря словами покойного отца, муторно было на душе, тошно как-то. Сеня сидел на той самой скамейке и ловил солнечные лучи широким лицом. Сашка не помнил, чтобы видел его в деревне, и, будучи от природы любознательным, подошёл поближе и громко сказал:

– Привет! Я Сашка, сосновский сам. А тебя как звать?

– Сеня, – отозвался мальчик после короткой заминки, во время которой с изумлением рассматривал собеседника. – Я... отсюда, – совсем невнятно закончил он, уставившись в землю.

– А здесь, поблизости, разве деревня есть? – не понял Сашка.

– Вроде нет, – ответил Сеня, помолчал и вдруг спросил – А ты когда умер?

– Чего? – удивился Сашка. – Я живой вроде. Погоди-ка, а ты, выходит...

Он приумолк. Нехорошо, наверное, о таком спрашивать, но раньше ему не доводилось беседовать с покойниками — только видеть. Однако Сеня не обиделся, и разговор завязался. Сперва они болтали, как обычные приятели — о всяких пустяках, да так свободно, будто знали друг друга лет сто. Даже имена у друзей оказались похожими — Сенька и Сашка. Им это понравилось. А вскоре пообвыклись, и Сеня перестал стесняться живого друга. Он даже рассказал, что умер лет десять назад: пошёл зимой на озеро, удить рыбу, а лёд подтаял да не выдержал. Утонул Сенька. Только к весне нашли...

С тех пор Сашка смело расспрашивал обо всём, что видел вокруг, а потом друзья придумали такую штуку — сочинить для погоста новое имя. Так и появилось Белоречье. Сначала Сашка не догадался, зачем приятель выдумал такое слово, и живо спросил:

— А чего Белоречье? Реки-то поблизости нет. Озеро одно, и то — за лесом.

— А ты приглядишься — тут воздух другой. Прищурь глаза — может, и поймёшь чего.

Осенняя прохлада тут же была забыта – вечер наполнился открытиями и невероятными происшествиями. Сашка узнал, что в Белоречье можно «сквозь землю глядеть»: подходишь к могиле и представляешь, будто к покойнику в гости просишься. Диковинно это, зато интересно. Главное – за тревогу прощения попросить. Иначе худо будет. Зато, если всё по уму сделано, земля прозрачной станет. Так Сашка увидел, откуда растёт трава. Потом перед

ним улеглись разветвлённые корни деревьев, а там и гроб показался. Он даже лицо покойника разглядел, как на фотографии в старом альбоме. Сенька пояснил: это оттого, что дух ушёл, к костям не возвращается – только тень осталась. Сашка ничуть не смутился. Он стал исследовать могилы Белоречья, заросшие сорной травой. Многие были тихими, будто пустыми. А к каким и духи приходили — глядели на приятелей издали и сливались с белой рекой сгустками тумана.

– Скучные они какие-то, – махнул рукой на покойников Сашка – Сеня, а ты почему со мной говорить стал?

— Сам не знаю. Я ни с кем тут раньше не разговаривал, а ты подошёл запросто, руку протянул. Я же тебя за нашего принял, за мертвяка, то есть. Живые-то меня никогда не видели.

– А я – почему вижу? Тебя, бабу Любу, деда Матвея и этих всех?.. Ты не подумай, мне с тобой весело, такого друга у меня отродясь не было, я просто понять хочу. Почему так?

Сеня опустил голову – ему стало стыдно, что он так давно умер, а ничего про Белоречье не знает. И вправду – почему их Сашка видит? Думал, думал, а придумать ничего не мог. Только плечами пожал. Колдовство, да и только!

* * *

Потянулись беззаботные дни золотого детства. Сашка бегал играть в Белоречье. Он вдыхал туман и впитывал его через кожу, а молочная река приняла его, как родного. Мальчик развлекался, показывая незатейливые фокусы: заставлял густую дымку плясать вокруг себя тонкими завитками, закручивал её по спирали, а то и разгонял вовсе. Белоречье слушалось Сашку, они играли друг с другом в какую-то неведомую доселе игру, но Сеня всё реже принимал участие в затеях приятеля. Иногда он не появлялся неделями, и Сашку это беспокоило. Как-то раз, сидя на синей скамейке, он решительно повернулся к другу:

– Слушай, Сенька, какой-то ты хмурый стал, пропадаешь невесть где неделями. Что с тобой приключилось? Ты только расскажи, не бойся, – вместе что-нибудь придумаем.

– Ничего тут не придумаешь, – печально отозвался тот. – Тоскливо мне как-то сделалось, сначала сам не понимал, отчего, а потом догадался. Давно я тут, в Белоречье-то. А иные покойники только духом проявятся – и пропадут. Есть же там, где-то, и для нас другая жизнь. А я тут за-

стрял, куда идти – не знаю. С тобой, конечно, здорово, ты не подумай чего... Но нельзя так всегда... Неприкаянным быть.

Сашка слушал приятеля с изумлением, сперва обиделся даже, что Сенька хочет уйти неведомо куда, а потом его как молнией ударило: прав приятель! Не должны человеческие души по земле скитаться, ежели люди эти ничего дурного при жизни не сделали. И так ему жалко Сеньку стало, что он чуть не заплакал, но сдержался – не положено мужчине сырость разводить. Только обронил весомо, по-взрослому:

– Эх, Сеня, если б я мог тебе помочь – жизни бы не пожалел! Неправильно это: в тумане век тонуть, света не видеть. Да что тут...

Сашка замолчал. Все слова как серпом отсеко, только глаза от удивления стали большими. Сенька, окружённый белой рекой, испарился, будто его и вовсе не было. Сашка огляделся по сторонам, туда, сюда кинулся: никого. Только дымка белёсая по траве стелется. Освободился, значит, Сенька от Белоречья. Отпустил туман.

* * *

Всю зиму Сашка вспоминал друга и никак не мог понять, грустно ему или нет. Вроде и тоскливо, а всё-таки радостно. Нашёл Сенька новую жизнь. Наверняка нашёл. А Сашка чертил пальцем по стеклу, морозными узорами любовался, и широко, заснеженное поле представлялось ему молочной рекой. Таких снегопадов сосновцы давно не видели, а по весне разлился ручей, и Сашка не смог попасть в Белоречье.

Жаркое лето сменило весеннюю сырость. Подсохла дорога, распушились, подставив небу макушки, красавицы-сосны. Зацвела медуница, завозился весёлый ветер в развесистых лопухах. Белоречье тоже оживало после зимней спячки. Сашка с удовольствием наблюдал, как бабочка-лимонница собирает нектар с круглой, будто солнце, ромашки. Шустрый, звонкий кузнечик запрыгнул на шершавую скамейку. Мягкие волны тумана, сладкого от цветочной пыльцы, поплыли над дорогой. Сашка глядел на них и улыбался, а тонкий белый ручеек, извиваясь, тянулся к его волосам. Пахло сладостью и нагретой землёй, даже находившийся ворон смотрел не так сердито, как раньше. Сашка подставил солнечным лучам худое лицо и прикрыл глаза. Белоречье притихло, свернувшись пеленой тумана у него под боком. Хорошо!..

Штуковина

... Горячее солнце лежит на ветках сирени. На кухне тоже пахнет сиренью и свежим клюквенным киселём, который готовит моя мама. Мы с Вовкой очень любим этот кисель, но сейчас нам не до него.

Мы сидим на моём подоконнике, ногами в сад, неотрывно глядя на двух петухов, моего и Вовкиного, которые замерли друг против друга на узкой тропинке. Мы специально принесли их сюда, чтобы устроить петушинный бой. Однако петухи мирно расходятся в разные стороны.

– Трусы, – презрительно говорит Вовка. – Надо их как-то раздражить. Давай снова их поймаем.

– Давай, – соглашаюсь я. Мы спрыгиваем в сад, но оба петуха благополучно исчезают в дырке под забором. Я наклоняюсь, чтобы схватить Вовкиного петуха за хвост и краем глаза замечаю торчащее из земли железное колечко. Забыв про петуха, я начинаю выковыривать его из земли.

– Ну что же ты, – недовольно говорит Вовка. – Теперь обоих упустили.

– Иди сюда, – зову я его. – Посмотри, что я нашла.

– Ну и на что оно тебе? – равнодушно спрашивает Вовка. И тут же, уже заинтересованно, добавляет: – Можно в ручку кинжала вделать, чтобы кинжал за пояс вешать. Давай я тебе помогу. – Он дёргает за кольцо, но оно не поддается.

– Что такое? – удивляется Вовка и дёргает ещё раз двумя руками. Потеряв равновесие, он шлепается на землю, а в руке у него – колечко, к которому приделана ржавая штуковина, по форме похожая на лимон с рубчиками. Мы удивлённо разглядываем находку.

– Похоже на гранату, – неуверенно произносит Вовка. Мне становится смешно.

– Ты что, Вовка, – я стучу кулаком ему по лбу, – совсем на войне помещался? Откуда здесь граната?

– Я же сказал – «похоже», – сердится Вовка.

– Давай мы её проверим, – предлагаю я.

Наталья Смехачёва,
г. Торжок

– Давай, – оживляется Вовка. – Только я брошу, ладно?

– Ладно, – соглашаюсь я. – А где проверять будем?

– А вон, на лестнице, – говорит Вовка. – Сейчас люди пройдут, я её брошу из-за забора.

Мы влезает на забор, и Вовка швыряет штуковину вниз на лестницу. Она звонко прыгает по каменным ступенькам, а мы бежим прятаться в наш тайник под крыльцом.

Однако всё тихо, взрыва нет. Вовка подбирает штуковину и приносит её во двор.

– Наверное, надо сначала это кольцо снять, а потом бросить, – говорит он. – Только как его снять, кольцо-то?

Он идёт в сарай и выносит оттуда огромный гвоздь и молоток. Гвоздь он вколачивает в забор, вешает на него нашу штуковину и загибает гвоздь кольцом.

– Наташка, – весело кричит он, – иди, репку будем тащить!

Вовка устраивает штуковину в своих ладонях, я обхватываю его сзади за пояс.

– Дёргаем на счёт «три», – командует Вовка.

– Ну что, уголовнички, – вдруг слышится за нашими спинами голос

Женьки Ливанова. – Что на этот раз затеваете? – Женька мрачен, обычно лучистые глаза его темны, ухоженный светлый чуб висит надо лбом унылой волной. «Непутёвая Катька, – невольно думаю я. – И зачем она поссорилась с Женькой?»

– Ничего, Жень, – улыбается Вовка. – Мы играем. – И загораживает спиной штуквину.

– А ну-ка, – Женька отталкивает Вовку от забора. – Где вы это взяли? – спрашивает он странным хриплым голосом и вытирает ладонью вспотевший лоб.

– В саду, – отвечаю я. – Нам колечко нужно снять, Жень.

– Сейчас снимем, – говорит Женька. – Вовка, давай молоток!

– Не дам! – сердито кричит Вовка. – Это наша штуквина, мы её нашли!

– Ты чего орёшь-то? – ласково улыбается Женька. – Я её только лучше прилажу, чтобы не соскочила.

– А не отыметь? – подозрительно спрашивает Вовка.

– Да на что мне, – смеётся Женька, – эта ржавая железка?

Вовка подаёт Женьке молоток. Заостренным концом Женька тихонько отгибает гвоздь и осторожно снимает с него нашу штуквину.

– Вот дураки, – облегчённо говорит он. – Это же граната!

– Отдай! – орёт Вовка. – Это наша! Ты же обещал!

Но длинные Женькины ноги легко несут его вниз по лестнице.

– Идиоты! – кричит он. – Лучше скажите мне спасибо!

Вовка сидит на завалинке и размазывает по щекам слёзы.

– А всё ты, – всхлипывает он. Я чувствую себя виноватой, хотя не понимаю, почему.

– Не плачь, – говорю я. – Если хочешь, давай Женьке к калитке поджигу приделаем, рванёт не хуже гранаты...

– Точно, – смеётся сквозь слезы Вовка. – Сегодня вечером. Пусть знает!.. А спички-то где возьмём? – спрашивает он. – У меня папа дома.

– Я вынесу, – обещаю я. – Ты только трубку подходящую найди...

Спят декорацией в белом дворе. И посветлело вокруг и внутри, будто шепнул кто-то мудрый: бери тихие радости зимней поры. Белою улицей тихо пройдуся. Нет ни тревоги, ни серости в ней, словно закрыли театр теней. Гримом серебряным вьюжится грусть. Грусть-благодарность за то, что идти по белоснежному можешь пути.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

МАРТ

Солнце разольёт лучей фонтаны. С ветром свежим, с чернотой проталин

Он настанет – светлый, долгожданный.

Мы поймём, как от зимы устали.

Поспешит он февралю на смену,

Намурлычет серенады кошкам,

Утром нас разбудит непременно

Звонкою капелью под окошком.

Перелётных птиц вернёт он стаи,

Луж весенних зачерпнёт в ботинки,

Незаметно пролетев, растает,

Как сугробы снега у тропинки.

*Наталья Иванова,
Пено*

В божественном храме, у лика Христа

сегодня стоять мне хочется, молиться о близких.

Пусть свет божества

под сводами храма не кончится.

Смирения дай и терпенья, Господь, прости все грехи мои тяжкие и душу врачуй, по возможности, плоть, холщовой укутав рубашкою.

Гордыню смири и от злб упаси, унынье прости и сомнение, от чёрствости сердца любовью спаси и чувствам придай усмирение.

Пусть прожитый день не оставит греха и правду на ложь не подменит, судьбинушка-доля не будет лиха, Христовой любви мне отмерит.

*Наталья Шабанова,
Андреаполь*

Эх, судьба-судьбинушка – не сломалась б спинушка. Мне бы только выдержать груз, что я несу.

Помоги, родимая, мне земляца милая, Что дала на счастье мне женскую красу.

Отведи невзгодушку в хмурую погодушку И не дай в обидушку деточек моих. Пронесись лебёдушкой над моей слободушкой, Дай нам счастья, милая, хоть бы на троих.

Ходят тучи хмурые, бродят волки бурые, Около ворот моих лязгают зубам. Дай нам счастья чуточку, да не на минуточку, Чтоб поднялись деточки, да назло врагам.

Пронесись лебёдушкой над моей слободушкой Птицей сизокрылою дом мой облети. Освети пути моя и спаси, любимая, Ангельскими крыльями зверя укроти.

*Надежда Соруженкова,
Торопец*

Зеркало зимней реки. И ольшаник – около.

Ночью хозяйка на ветки развесит ажур.

Рюмочный звон усыпляет в кафе на цокольном,

Там не заметен висящий луны абажур.

Лучше не спать, приликая щекой к столешнице –

Чудом очнуться, подняться и выйти другим,

И раствориться в морозности этой и свежести,

И заблудиться у зеркала зимней реки.

*Сергей Воробьёв,
Тверь*

Панда

Стас открыл дверь ключом и, войдя в прихожую, тяжело опустился на скамеечку. Из кухни выглянула улыбающаяся Алёнка:

– Привет! Пришёл?..

Стас не ответил. Он сидел, ссутулившись, свесив длинные кисти рук меж колен, и остановившимися глазами отрешённо глядел в пол.

Алёнка, вытирая руки о фартук, вышла в коридор.

– Что-то случилось?

Взгляд её сделался тревожным.

Муж опустил голову.

– Всё... – тихо и обречённо произнёс он.

– Господи! – всполошилась Алёнка. – Что «всё»?! Что случилось?!.. Ну чего ты молчишь?!

– Всё... – повторил Стас и поднял на Алёнку глаза – взгляд его был полон какой-то безнадежной мўки. – Всё... Я – панда.

– Какая панда?! – Алёнка быстро присела рядом и, ухватив мужа за плечи, слегка трянула; её зелёные, готовые уже набухнуть слезами глаза беспокойно шарили по его лицу. – Что за панда?! О чём ты говоришь?!

Стас поморщился и согнутым указательным пальцем постучал себя по левой щеке.

– Верхнюю семёрку удалили.

– И?!.. – Алёнка всё ещё ничего не понимала. – Ну?!

– У меня осталось двадцать четыре зуба, – пояснил муж. – Как у панды.

– И... и всё?!

Стас уныло кивнул.

Алёнка, хлопая глазами, несколько секунд смотрела на него. Затем губы её сжались в линию.

– С-скотина! – выдохнула она и, быстро оглядев мужа, изо всех сил ущипнула его за мочку уха.

– Ай!!.. – Стас дёрнулся, но не тут-то было – пальцы у Алёнки были цепкими. – Больно! Ты что?!

– Больно?! А так?.. – она попыталась вцепиться ему в другое ухо. – А так не больно?!.. Паразит! Я чуть ёжика не родила!

– Перестань!.. – Стас одной рукой пытался отцепить Алёнкины пальцы от уха, а другой – ловил вторую Алёнкину руку. – Прекрати! Ну, больно же, ё-моё!.. Я люблю ёжиков! Ай!!.. Покалечишь!.. Помогите!! Убивают!!.. – завопил он, но Алёнка

была беспощадна. – Учти, панды охраняются законом! Они в красную книгу занесены! Ты... Ай!!.. Ты сейчас занимаешься злостным браконьерством! Ай!! Мама!!..

– Балбес!.. Нехристь носатый!.. – Алёнка, оставив в покое мужнины уши, вскочила и принялась самозабвенно лупить его в гулкую спину. – Скотина мохнатая!.. Я тебе покажу красную книгу! Я тебя в чёрную занесу!.. Дурак бамбуковый!..

– Эй! Ты чего тут застрял?.. – Алёнка заглянула в ванную комнату. – Идём!.. – на ней была коротенькая полупрозрачная ночнушка; густые волнистые волосы были схвачены широкой розовой лентой. – Никогда не спала с пандой, – кокетливо призналась она. – Надеюсь, меня не обвинят в зоофилии?

Стас стоял перед зеркалом, опёршись руками на раковину.

– Зайди, – не поворачивая головы, попросил он.

Алёнка вошла и, прижавшись сзади к мужу, выглянула у него из-за плеча:

– Ну?

– Знаешь, я вот тут подумал... – Стас, прищурившись, смотрел на своё отражение. – Когда-нибудь вот здесь... – он кивнул на стеклянную полочку перед зеркалом. – Лет через тридцать... Может, через пятьдесят... Будут стоять два стакана. Один такой вычурный, с каким-нибудь японским иероглифом. А второй – простой... гранёный... И мы с тобой будем на ночь класть в них свои вставные челюсти...

Алёнка прыснула, но тут же, взглянув на мужа, сделалась серьёзной.

– Ну... лет через пятьдесят, может быть... И что?

Стас посмотрел в глаза её отражению.

– Ты знаешь, мне кажется, что... что я ничего другого в этой жизни и не хочу.

Она подняла глаза и ответила на его взгляд. Долгие-долгие мгновения они смотрели в глаза друг другу. У Алёнки вдруг гулко забилося сердце и закружилась голова. Она отвела глаза и спрятала лицо за плечо мужа.

– Да... – тихо сказала она и потёрлась носом о его спину. – Да, Стас. Я... я тоже...

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

* * *

учти! я бью последнюю тарелку!
я вышла из себя, и не войду –
обратно!
тебе меня позлить всегда приятно,
но мало мне – словесных
перестрелок!
долой посуду! всю! громи сервизы –
да так, чтобы не склеить больше
чашек -
о, как я зла! Дойдем до
рукопашной?!
не смей мне говорить, что я –
капризна!!!
чего б еще разбить? осталась...
рамка,
в ней фото – наша свадьба, кольца,
лето...
в любом шкафу имеются – скелеты,
а что уж говорить – о нашем замке...

*Дарья Гребенщикова,
Торопецкий р-н*

Старозимнее

Тихой песни взрыд
Посреди раки
Прилетят слова
Голова
Болит
Но не плачется
Но не деется
Таен круг
Летит
Вдаль метелица
Бела девица
Застилает след
Прячет ясен свет
Куролесится
Ветром снежится
Тихим сном округ
Покрывается.

*Александр Коган,
Бежецк*

* * *

Коль сорвали – не сорвите
про букет живых цветов.
В этом образе – соцветье
доуэлевых голов.
В лучшем случае, срезая,
дарим им мученье ваз,
где, безмолвно увядая,
цветы ещё волнуют нас.

*Святослав Кетлеров,
Нелидово*

Не буду я пить этот кофий...

* * *

Я страны судьбу решаю –
Кофе ложечкой мешаю:
Разгоню мятежную
Силу центробежную!

*Игорь Столяров,
Нелидово*

ВИСОКОСЬЕ

Ухожу в занесённые сосны,
в заметённые снегом аллеи...
Что-то нынче зима высокосней,
что-то нынче глаза горячее.
Вновь за ближним выступом
небыль,
опускаю плечи устало,
снова там, на выстывшем небе,
обозначились глубже провалы.
И сквозь толщу безглазой бездны,
ошалев от веков разлуки,
темнотою сжатые звёзды
тянут, тянут тонкие руки.
Задыхаясь межзвёздной пылью,
продираются сквозь парсеки
мимо мёртвых миров застылых
лучерукие человеки.
Только колют друг друга руки,
звёзды пятятся удивлённо,
и молчит бестолково трубка
ненасытного телефона.
А тем временем, как нарочно,
до предела боль оголяя,
безвозвратно и безнадежно
потухает звезда другая.
И опять, задохнувшись горем,
заблужусь среди высоких сосен,
и слова вдруг прорвутся горлом...
Високосит год, високосит...

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

ЧТО ДЕНЬ МНЕ ГОТОВИТ ГРЯДУЩИЙ?

Вгляжусь я в кофейную гущу:
Что день мне готовит грядущий?
Грозят ли какие невзгоды...
Да нет же, там всё про погоду!
Вот туча, вот – вязкая слякоть...
Едва ль удержусь не заплакать.
Не буду я пить этот кофий,
Поставлю заслон катастрофе!

*Светлана Виноградова,
Нелидово*

* * *

Какой же кофе ароматный,
А рафинад как бел и сладок!
И жить совсем-совсем приятно!!!
Но нет, чего-то ещё надо.
Сижу, и так и сяк гадаю, –
задача, в общем, нелегка –
чего мне в жизни не хватает?
Быть может, даже пустяка,
какой-то капли или крохи,
чтоб окончательный ажур...

Противен как остывший кофе,
к тому же сладок чересчур!!!

*Пётр Бобунов,
Нелидово*

ВИСОКОСНЫЙ

Осталось и впрямь, опрокинув
кофейную чашку,
Вглядеться в разводы на донышке
старого блюда.
Ломая привычки, застопорил год
этот тяжкий,
Причуды его предсказать знатоки
не берутся.

И давит на плечи зима в ноябрёвой
одежде
В гордыне решившим, что зело
круты, всемогущи.
И, крылья прижав под январским
дождём, словно мошки,
Как пращурсы верим кофейной
всезнающей гуще.

* * *

Я зарифмую главную беду,
кофейной гущей выплесну на лист.
Я столько лет с удачей не в ладу
и наблюдаю жизнь из-за кулис.
В затейливом рисунке разгляжу:
мне выпадут юрист и гитарист.
Кофейному не рада миру, а
Хоть и сама плеснула их на лист.
Опять не в масть, не так, не там,
не те...

Есть всё, но почему-то нет тебя.
И в сотворенной мною маяте
вновь поводы к разлукам и скорбям.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

НЕ ЗНАЛ

Пишут, год, что пошел –
судьбоносный.
Факт такой вызывает тревогу:
Год двадцатый у нас високосный?
Я не знал. Извините, ей-богу.

* * *

Я дорожу работой драгоценной.
Жаль только, что пашу совсем задаром:
Слежу за состоянием Вселенной,
не слишком привлекая санитаров.

*Иван Кирпичев,
Нелидово*

* * *

Тот серьёзным не бывал,
кто на кофе не гадал.
И гаданье ужасает –
кофе вновь подорожает.

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

Плесните в бокал мне багрянца осин.
Я золотом клёнов плачу за удачу.
И юную Вас, лишь на вальс
пригласив,
От радости вдруг засмеюсь и
заплачу.
Плесните в бокал мне надежды вина.
Я Вашей наивности чуточку трушу.
За юность беспечную выпью до дна!
Не верьте, что продал я дьяволу
душу.

*Фёдор Чибисов,
Нелидово*

* * *

На чиркнувшую звезду, на монетку,
на трамвайный билет, на куриную
косточку –
я загадываю очень редко,
сомневаюсь, но верю, что где-то в
жизнейском космосе
отзовется желание, сбудется.
Ну когда-нибудь – непременно!
Не у меня, так у моей спутницы,
отломившей косточку поправее.

*Роман Гурский,
Тверь*

РАЗДВИНЬТЕСЬ ЧУТЬ

Вы про Вселенские невзгоды,
Про злые выверты погоды,
Про человечества заскоки,
И про кофейные потоки,
И про судьбу страны, что ложкой
Вот-вот взмешаете. Я блошкой
За частоколом строк солидных.
Друзья-поэты, как не стыдно,
Раздвиньтесь чуть. Меня не видно.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*